

Константин КЕДРОВ «Известия»

Ничего, кроме времени, не интересовало самого загадочно-го поэта, но времени он не верил и считал, что единственная реальность — это смерть. В буквальном смысле Введенский был близок к истине — смерть бушевала всюду. Аресты, высылки и, наконец, гибель на этапе в 41-м году — такова судьба этого интеллигентнейшего из петербуржцев.

Вероятнее всего, мы так бы и не узнали, что именно ставилось в вину поэту палачами тогдашнего КГБ, если бы не роковое стечение обстоятельств. В 1983 году идеологическая охранка КПСС арестовала за распространение религиозной литературы известного ленинградского филолога, специалиста по старо-французской литературе Михаила Мейлаха. Среди прочих преступных антисоветских деяний молодого ученого названо и это — интерес к творчеству Александра Введенского. Знакомая со своим обвинительным делом, сидя в андроповской каталожке, Михаил Мейлах, в частности, узнал, что Введенскому было предъявлено обвинение по статье 58-10 — «вредительство в области детской литературы». Впрочем, по-своему обвинители были правы, когда утверждали, что своими заунывными стихами Введенский отвлекал людей от строительства социализма. Слабым же местом сего обвинения было то, что, увлеченные строительством социализма, трудящиеся при всем желании не могли читать вредного поэта, поскольку стихи его не печатались. Если бы не подвиги-ческая деятельность многих людей, в частности того же Михаила Мейлаха, по соборанию рукописей поэта, мы бы никогда не смогли прочесть Александра Введенского.

Выйдя из тюрьмы в годы перестройки, Михаил Мейлах, конечно же, продолжил «анти-советскую деятельность и агитацию» по соборанию и изданию рукописей Александра Введенского. И вот наконец перед нами двухтомник поэта. Издание Александра Введенского можно без преувеличения считать самым важным литературным событием уходящего века. Рукописи Александра Введенского сохранил, рискуя жизнью и свободой, его друг, единомышленник, филолог, философ и математик Я. С. Друскин, умер-

ший в 1980-м году. А издательство «Гилея» недавно выпустило двухтомник Александра Введенского.

Через всю поэзию Введенского проходит апокалиптический образ скачущего коня, несущего смерть:

еду еду на коне
страшно страшно страшно
я везу с собой окно
но в окне моем темно.

оказался брошенным в бесконечные пространства кровавой красной империи. Лишенный права проживания в Ленинграде, он мечется между Курском, Вологодой и Борисоглебском и пишет свои магические феерии.

Мне жалко, что я не звезда,
бегущая по небосводу,
в поисках ночного гнезда
она находит себя
и пустую воду,
чтобы звезда издавала
скрип,

время. Наказание я получил тоже временем.

Наш календарь устроен так, что мы не ощущаем новизны каждой секунды. А в тюрьме эта новизна каждой секунды, и в то же время ничтожность этой новизны, стала мне ясной. Я не могу понять сейчас, если бы меня освободили двумя днями раньше или позже, была ли бы какая-нибудь разница. Становится непонятным, что значит раньше и позже, становится непонятным все.

Я не могу спокойно читать

умер от дизентерии, расстрелян или выброшен из вагона между Воронежем и Казанью. Вероятно, мы никогда не узнаем, как погиб гениальный поэт.

О том, как были спасены рукописи Введенского, вернее, небольшая часть его погибшего творческого наследия, рассказывает Михаил Мейлах. «Память о Введенском умерла бы вместе с его немногими уцелевшими друзьями, если бы Я. С. Друскин, будучи уже в состоянии дистрофии, не отправился через весь блокадный Ленин-

град на квартиру Хармса, чтобы спасти его бумаги. Здесь он встретился с женой Хармса М. В. Малич, которая жила в другом месте — в дом попала бомба, стекла были выбиты, да и оставаться в квартире после ареста мужа было небезопасно. М. В. Малич дала Я. С. Друскину чехол, в котором он унес рукописи, с которыми не расставался даже в эвакуации».

Итак, вот она, замечательная цепочка людей, сохранивших стихи поэта. Г. Б. Викторова — жена Введенского, Даниил Хармс, расстрелянный в подвалах ленинградского КГБ, жена Хармса М. В. Малич, друг Введенского Я. С. Друскин и, наконец, Михаил Мейлах, арестованный все тем же ленинградским КГБ уже в 1983 году, продержавшим в своих застенках замечательного филолога до самой перестройки.

Прервется ли на этом цепь злодеяний одних и подвигов других, я не знаю, но знаю, что ни один человек из КГБ не подвергнут даже легкому административному взысканию ни за убийство Хармса, ни за смерть Введенского, ни за арест Мейлаха. Зло не наказано — это победоносный ужас в том, что зло даже и не названо злом. Вот «отчет» ленинградского КГБ о своих преступлениях. Канцелярская отписка, выданная уже в марте 1991 года. «Следствием было установлено, что группа, в которую входили Ювачев Хармс Д. И. и Введенский А. И... в 1926 году на основе контрреволюционных монар-

хических убеждений его участники вступили на путь активной контрреволюционной деятельности. Первоначально она оформилась в нелегальный орден «ДСО» или «Самовщина». В 1928 году из состава «ордена» выделилась группа литераторов в составе Ювачева-Хармса Д. И., Введенского А. И. и других, активизировавшая свою подрывную работу путем использования советской литературы и контрреволюционной деятельности среди гуманитарной интеллигенции (преимущественно литераторов и художников)».

Напрасно, стало быть, думать, что нынешнее КГБ не берет на себя ответственность за деяния прошлых лет. Как видим, берет и даже одобряет. Правда, справка дана за 5 месяцев до августа 91-го, но ведь и после августа не последовало никаких дополнений к вышеупомянутой справке.

Ну а теперь о контрреволюционной деятельности. Как весело все начиналось. Собирались поэты на разных квартирах вполне легально. Бывали они и у некоего В. Р. Домбровского, мужа очаровательной Генриетты Давыдовны. Как знать, не стихотворенье ли Олейникова, посвященное Генриетте, стало основной причиной обвинений в контрреволюционности.

«Я влюблен в Генриетту Давыдовну», — такими словами начиналось стихотворение, а закончилось оно обвинительным заключением по делу Введенского и Хармса, подписанным ревнивым мужем Генриетты, следователем тогдашнего КГБ В. Р. Домбровским.

События все больше напоминали пьесу Введенского «Елка у Ивановых». На новогоднюю елку собирались дети, и все они в течение праздника погибают без каких бы то ни было реальных причин. Кто стреляется, кто просто умирает. Под пьесой дата — 1938 год. Действие пьесы — полный абсурд — все как в жизни. Вот знаменитый финал смертей —

живая пародия на только что минувший 1937-й, год безумных репрессий.

«Володя Комаров (мальчик 25 лет. Стреляет себе в висок). Мама, не плачь. Засмейся. Вот и застрелился.

Петя Петров (мальчик 1 года). Ничего, ничего, мама. Жизнь пролетит быстро. Скоро все умрет.

Дуня Шустрова (девочка 82 лет.) Я умираю, сидя в кресле. Миша Пестров (мальчик 76 лет). Хотел долголетия. Нет долголетия. Умер.

Александр Введенский. Снимок конца 30-х годов (архив).

Нянька. Детские болезни, детские болезни. Когда только научатся вас побеждать. (Умирает)».

Перечитывая этот финал, созданный, может, за месяц, а может, за час до последнего ареста поэта, я все время ощущаю, что здесь выражено намного больше, чем может вместить наш разум. Да и Введенский не пытается понять все. Дикари с тарелками над головами, следовательно тогдашнего КГБ В. Р. Домбровским.

События все больше напоминали пьесу Введенского «Елка у Ивановых». На новогоднюю елку собирались дети, и все они в течение праздника погибают без каких бы то ни было реальных причин. Кто стреляется, кто просто умирает. Под пьесой дата — 1938 год. Действие пьесы — полный абсурд — все как в жизни. Вот знаменитый финал смертей —

столетия было тесно. Он не опередил время, а просто ушел из него намного раньше, чем все свершилось.

Даже Николай Заболоцкий с изумлением писал Введенскому о неземной природе его поэзии: «Стихи не стоят на земле, на той, на которой живем мы. Летят друг за другом переливающиеся камни и слышатся странные звуки из пустыни; это отражение несуществующих миров». Это была критика, но сегодня она звучит как хвала. Поэт сам возводит иные миры, а потом проходит время, и мы обживаем эти необитаемые воздушные замки.

Абсурд пьесы Ионеско кажется мне пресноватым по сравнению с этим текстом. Принято считать, что Россия отстает от мирового развития. Отстает в области экономики и политики, но в области мысли, в литературе, в искусстве почему-то мы, как правило, опережаем общемировое развитие лет на 20. Правда, мир узнает об этом намного позже, лет через 50. Театр Введенского будет по-настоящему открыт где-то в начале XXI века. Это пьесы, где, по сути дела, три действующих лица: Человек, Бог и Смерть.

Введенский относится к абсурду и жестокости жизни совсем не так, как мы, ве по-бытовому. Он пытается понять не политический, а космический смысл происходящего; но он заранее знает, что этот «смысл» будет для человека «абсурдом». Финал последней пьесы под названием «Где». Введенский прощается не с XX веком, а с XIX. Прощается с наивной надеждой на то, что мир можно понять разумом. В его предсмертном видении появляется Пушкин. «Тут он вспомнил, он припомнил весь миг своей смерти. Все эти шестерки, пятерки. Всю ту суету. Всю рифму. Которая была ему верная подруга, как сказал до него Пушкин. Ах, Пушкин, Пушкин, тот самый Пушкин, что жил до него. Тут тень всеобщего отращения легла на всем. И дикари, а может, и не дикари с плечом, похожим на шелест дубов, на жуужанье пчел, на плеск волн, на молчанье камней и на вид пустыни, держа тарелки над головами, вышли и неторопливо спустились с вершин на немногочисленную землю. Ах, Пушкин, Пушкин.

(1941)

ПОЭТ, ОБМАНУВШИЙ ВРЕМЯ

Выйдя из тюрьмы после первого ареста, поэт сказал Друскину: «Сейчас даже предательство и донос неинтересны и бессмысленны. Предположим, я донес бы на тебя, что ты читаешь Платона. И после этого мне все равно бы не разрешили читать Платона». «Звезда бессмыслицы» — вот сокровенный образ Введенского. Только это небесное тело продолжало сиять абсурдом над бедной Россией, но было бы большой ошибкой искать ключи к поэзии Введенского в его трагической судьбе или в тогдашней политической ситуации. Бессмыслица открыта Введенским как феномен поэзии и самой жизни. Скорее всего, наше столетие будет названо веком крушения всех идеологий. Кому-то это стало ясно сейчас, кто-то, как Введенский, знал об этом уже в 20-х годах. Введенский пришел после Хлебникова и Маяковского, когда рухнули хрустальные замки светлого будущего, в которое так верили русские футуристы. Введенский верил только в абсурд. «Я постигнул на опыте, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума — более основательную, чем та, отвлеченная. Я усомнился, что например, дом, дача и баня связываются и объединяются понятием здание. Может быть, плечо надо связать с четырьмя. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал».

Выйдя из тюрьмы 21 марта 1932 года, Введенский

ее назначение ободраить собственным молчанием рыб.

Можно сколько угодно декларировать абсурд и бессмыслицу как наивысшее проявление жизни, но, слава Богу, еще ни один поэт не удержался в пределах своих манифестов и деклараций. Освободившись от оков привычной грамматики, Введенский остался прежде всего поэтом.

Рыбы плавали, как масло, по поверхности воды, мы поняли, жизнь всюду гасла от рыб до Бога и звезды. И ощущение покоя всех гладило своей рукою. Даниил Хармс, разделивший с Введенским курскую ссылку, отзывался о нем как о демоническом, в гетевском смысле поэте. Он сравнивал Введенского с Гоголем, Толстым и Хлебниковым, поскольку эти великие писатели и поэты тоже «имели свою идею и считали ее выше своих художественных произведений». Введенского действительно можно сравнить с Хлебниковым по бескорыстности, аристократизму и полному отсутствию в жизни внешних признаков быта; но он уже не мог относиться к любой мысли и к любой теории, в том числе и своей, без самоиронии. «Я думал в тюрьме испытывать время. Я хотел предложить и даже предложил соседу по камере поговорить точно повторять предыдущий день, в тюрьме все способствовало этому, там не было событий. Но там было

эти строки. Для кого-то это, может, и философия, а для меня живое свидетельство одного из великих мучеников XX века. Безусловно, здесь открыты Введенским какие-то законы дьявола, разгаданы козны врага рода человеческого, построившего тюрьму из времени, но ведь важнее всего и интереснее всего сам Введенский. Когда читаем житие святого, нас мало волнуют его прозрения и его ошибки, сам он. Вопрос «быть или не быть» интересен лишь в устах Гамлета и скучен в устах философа. Все открытия и теории Введенского важны, потому что это мысли и страдания поэта. «Звери вы, холокола. Звуковое лицо лисицы смотрит на своей лес», — вспоминает Введенского в тюремной камере. И уже навсегда для тех, кто почувствовал эти строки, звери будут лесными колоколами.

Поэт остается поэтом. Женщины ради него, ссыльный и опальный, убегают из дому. Именно так поступила Г. Б. Викторова, уехав с Введенским на Кавказ. Но и на Кавказе не было защиты «от их всевидящих глаз», от их всеслышащих ушей». Молодожены поселились в Харькове.

Введенского арестовали 27 сентября 1941 года для принудительной эвакуации. На всякий случай завели еще одно дело с какими-то невнятными доносами, написанными явно по заказу.

В деле указана дата смерти — 20 декабря, но что произошло на самом деле, неизвестно: